

А. Блок
«Двенадцать»
(поэма)

Интеллигенция и революция

9 января 1918

- "Россия гибнет", "России больше нет", "вечная память России", слышу я вокруг себя.
- Но передо мной - Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой.
- Россия - буря. Демократия приходит "опоясанная бурей", говорит Карлейль.
- России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и - по-новому - великой. В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда.

- **Дело художника, обязанность художника - видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух".**

- Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность - в другом?

- Я обращаюсь ведь к "интеллигенции", а не к "буржуазии". Той никакая музыка, кроме фортепьян, не снилась. Для той все очень просто: "в ближайшем будущем наша возьмет", будет "порядок", и все - по-старому; гражданский долг заключается в том, чтобы беречь добро и шкуру; пролетарии - "мерзавцы"; слово "товарищ" - ругательное; свое уберег - и сутки прочь: можно и посмеяться над дураками, задумавшими всю Европу взбаламутить, потрясти брюхом, благо удалось урвать где-нибудь лишний кусок. С этими не поспоришь, ибо дело их - бесспорное: брюшное дело. Но ведь это - "полупросвещенные" или совсем "непросвещенные" люди; слыхали они разве только о том, что нахрюкали им в семье и школе.

- У буржуа - почва под ногами определенная, как у свиньи - навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это - и все полетит вверх тормашками. У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности незначительны.

- Русской интеллигенции - точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на "дурацкие" вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово "товарищ" произносить в кавычках?
- Как аукнется - так и откликнется. Если считаете всех жуликами, то одни жулики к вам и придут. На глазах - сотни жуликов, а за глазами - миллионы людей, пока "непросвещенных", пока "темных". Но просветятся они не от вас.

- Надменное политиканство - великий грех. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная "адогматическая догматика", приправленная снисходительной душевностью. За душевностью - кровь. Душа кровь притягивает. Бороться с ужасами может лишь дух. К чему загоразживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно.
- А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки.

- **Всем телом, всем сердцем,
всем сознанием - слушайте
Революцию.**

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки

Ю.АННЕНКОВА

«АЛКОНОСТЪ»

ПЕТЕРБУРГЪ

1918

- 3 января 1918 года Блок замечает в записной книжке: «К вечеру — ураган (неизменный спутник переворотов)».
- Через неделю, 8 января там же зафиксировано: «Весь день — ***“Двенадцать”*** . <„.> Внутри дрожит».
- Три недели ушло на обдумывание, внутреннюю работу. Написана же поэма, в сущности, за два дня. 29 января Блок записывает: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. <...> Сегодня я — гений».

Проблема жанра

- «Поэма “Двенадцать” — **монументальная драматическая частушка . Центр тяжести — в композиции**, в расположении частей, благодаря которому переходы от одного частушечного строя к другому получают особую выразительность, и каждое колено поэмы является источником разряда новой драматической энергии, но сила “Двенадцати” не только в композиции, но и в самом материале, почерпнутом непосредственно из фольклора. Здесь схвачены и закреплены крылатые речения улицы, нередко эфемериды-однодневки вроде: “у ей керенки есть в чулке” , и с величайшим самообладанием вправлены в общую фактуру поэмы, <...> Независимо от различных праздных толкований, поэма “Двенадцать” бессмертна, как фольклор»
- (О. Э. Мандельштам. «**А. Блок**», 1921 — 1922).

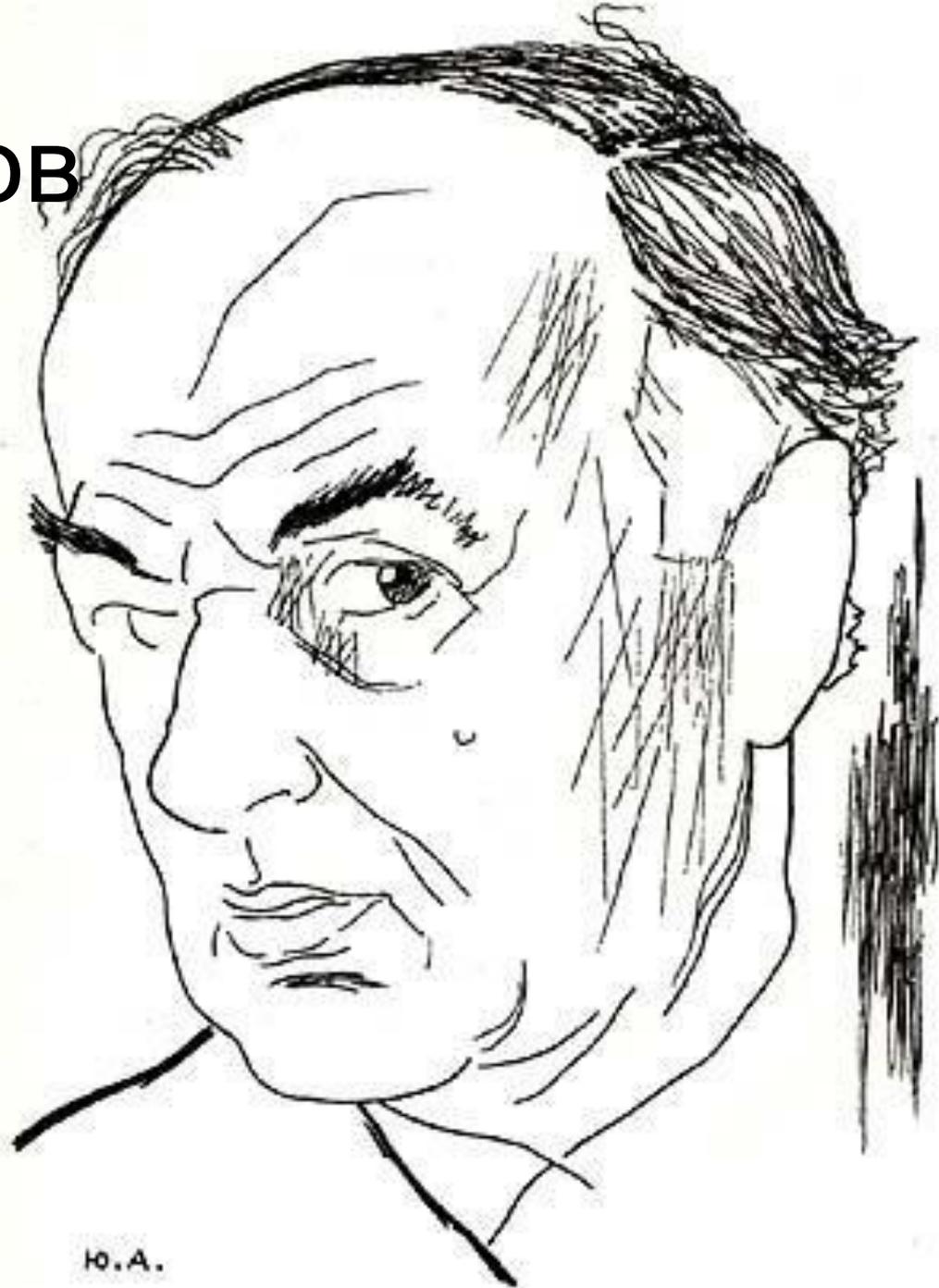
Черный цвет

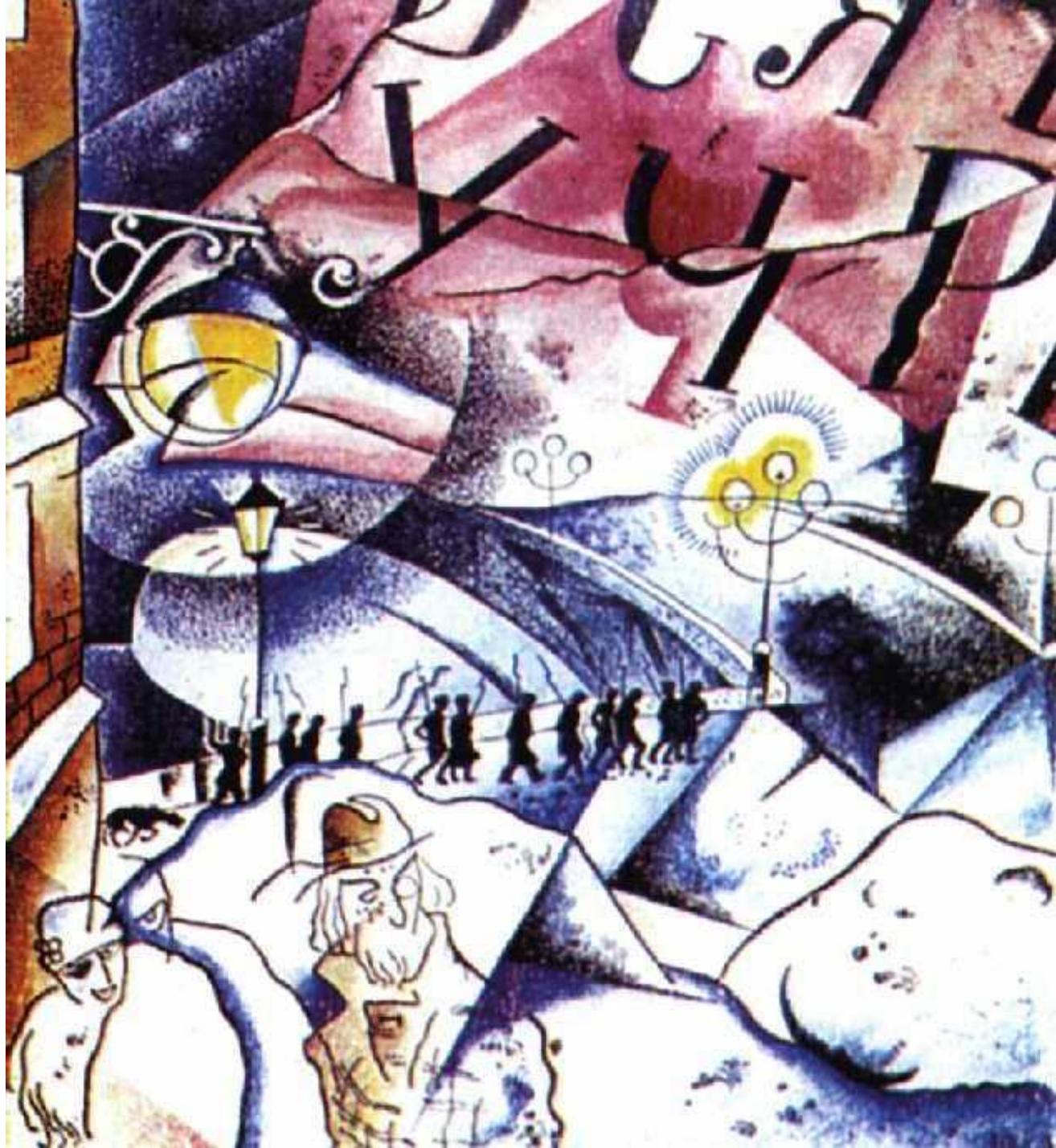
- **винтовок черные ремни (гл. 2),**
- Ванька оказывается **черноусым (гл. 4),**
- **Катя в восприятии** какого-то другого персонажа — **чернобровушкой (гл. 8).**
- Ночи, проведенные с этой женщиной, Петруха называет
- **черными, хмельными.**
- Черное, черное небо.
- Злоба, грустная злоба
- Кипит в груди...
- Черная злоба, святая злоба...
- Товарищ! Гляди
- В оба!

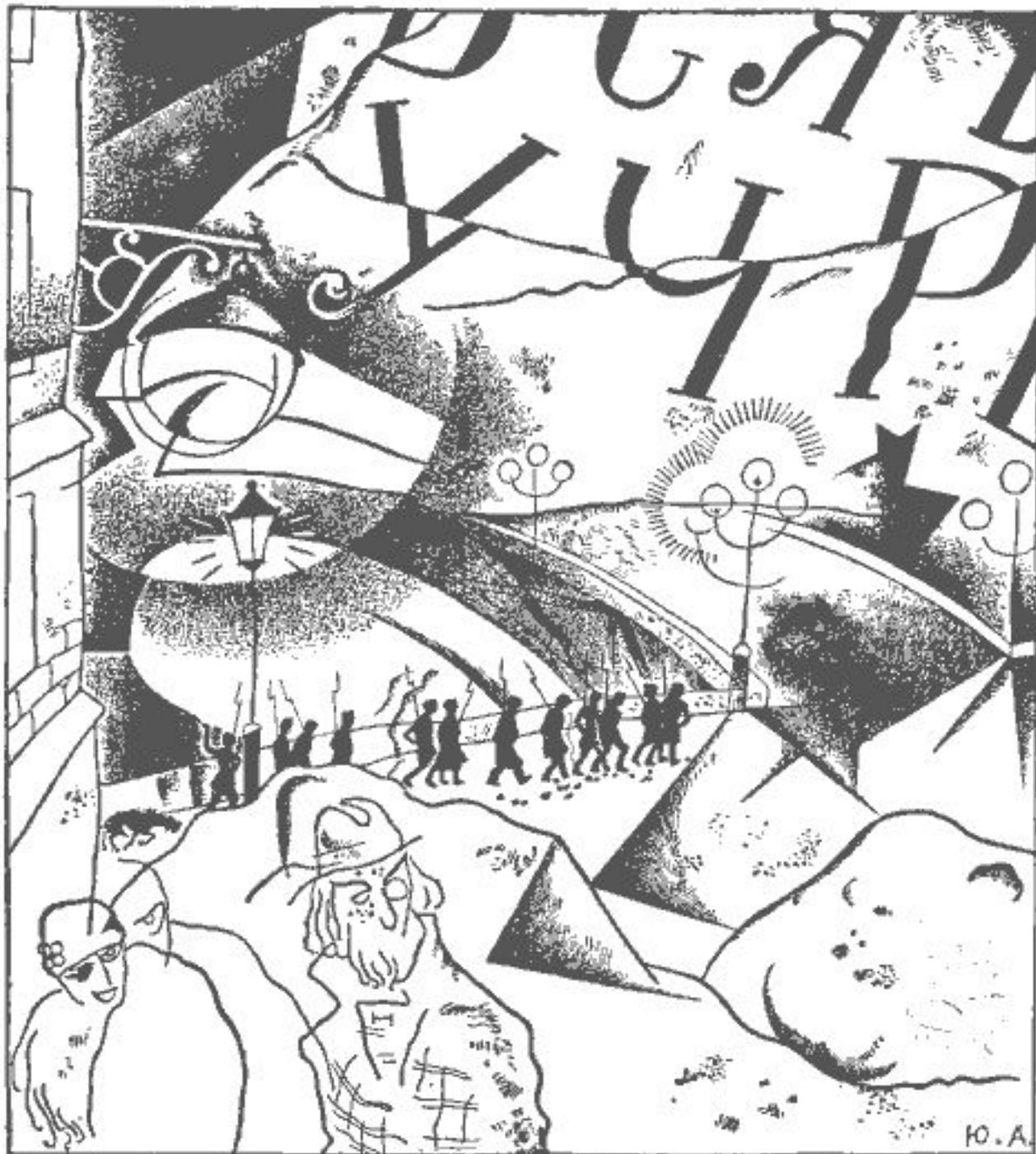
- «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей **слабой волей**) **я художник, т. е. свидетель.** Нужен ли художник демократии?» — сомневается Блок 14 апреля 1917 года, наблюдая бурную революционную весну.

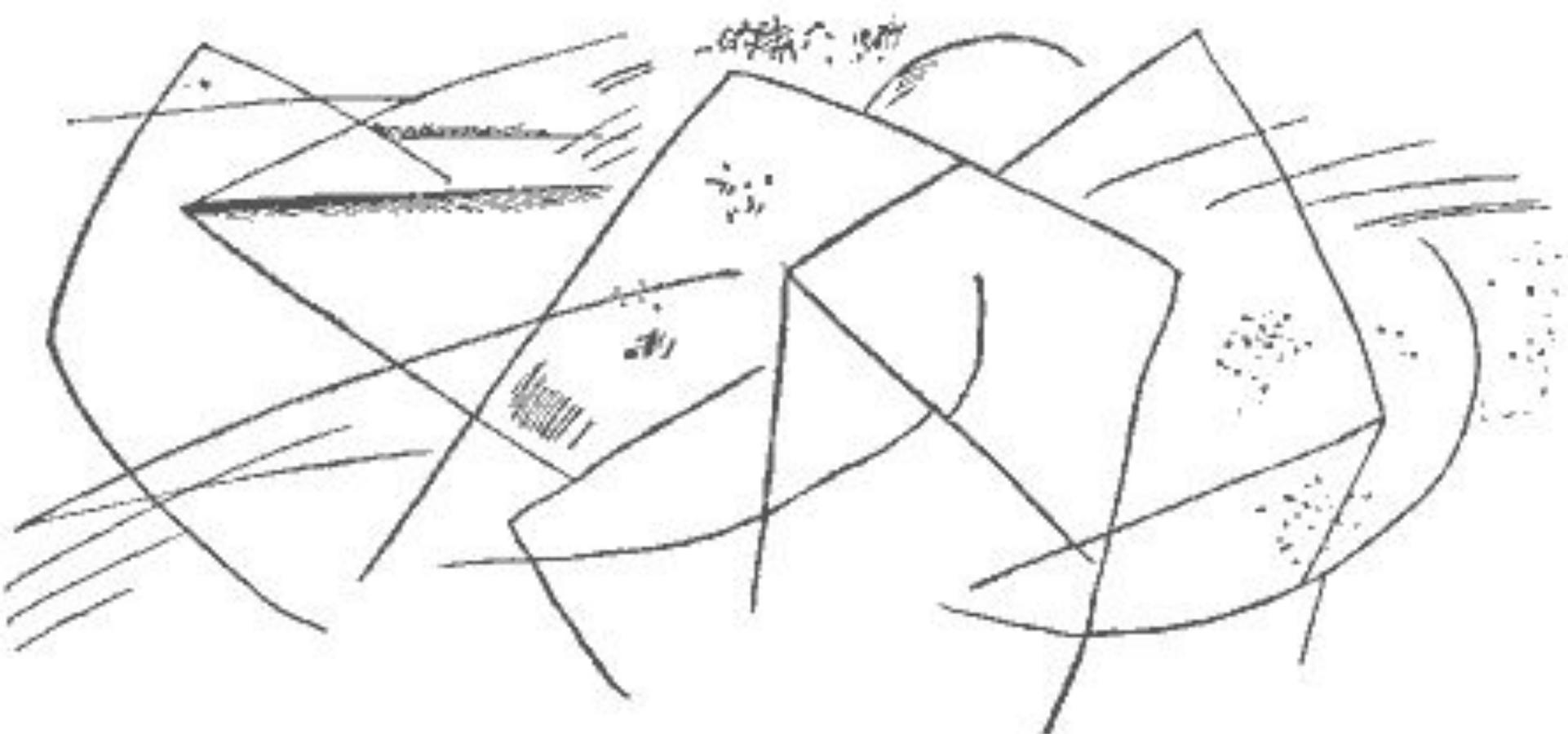
- «...В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не
- менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не
- отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира).
- <...> Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства...»
- ***(Из «Записки о “Двенадцати” », 1 апреля 1920).***

Юрий Анненков

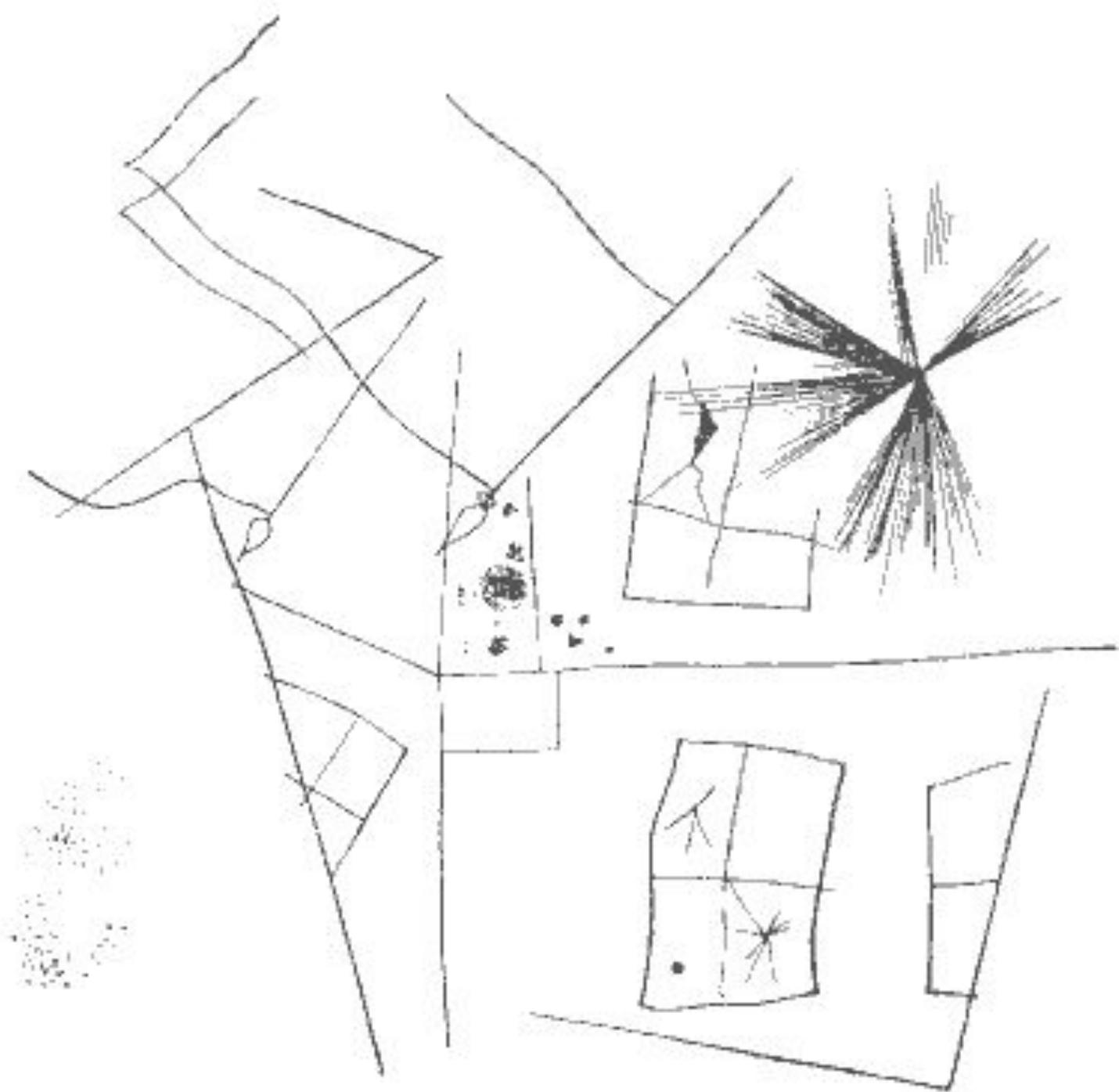

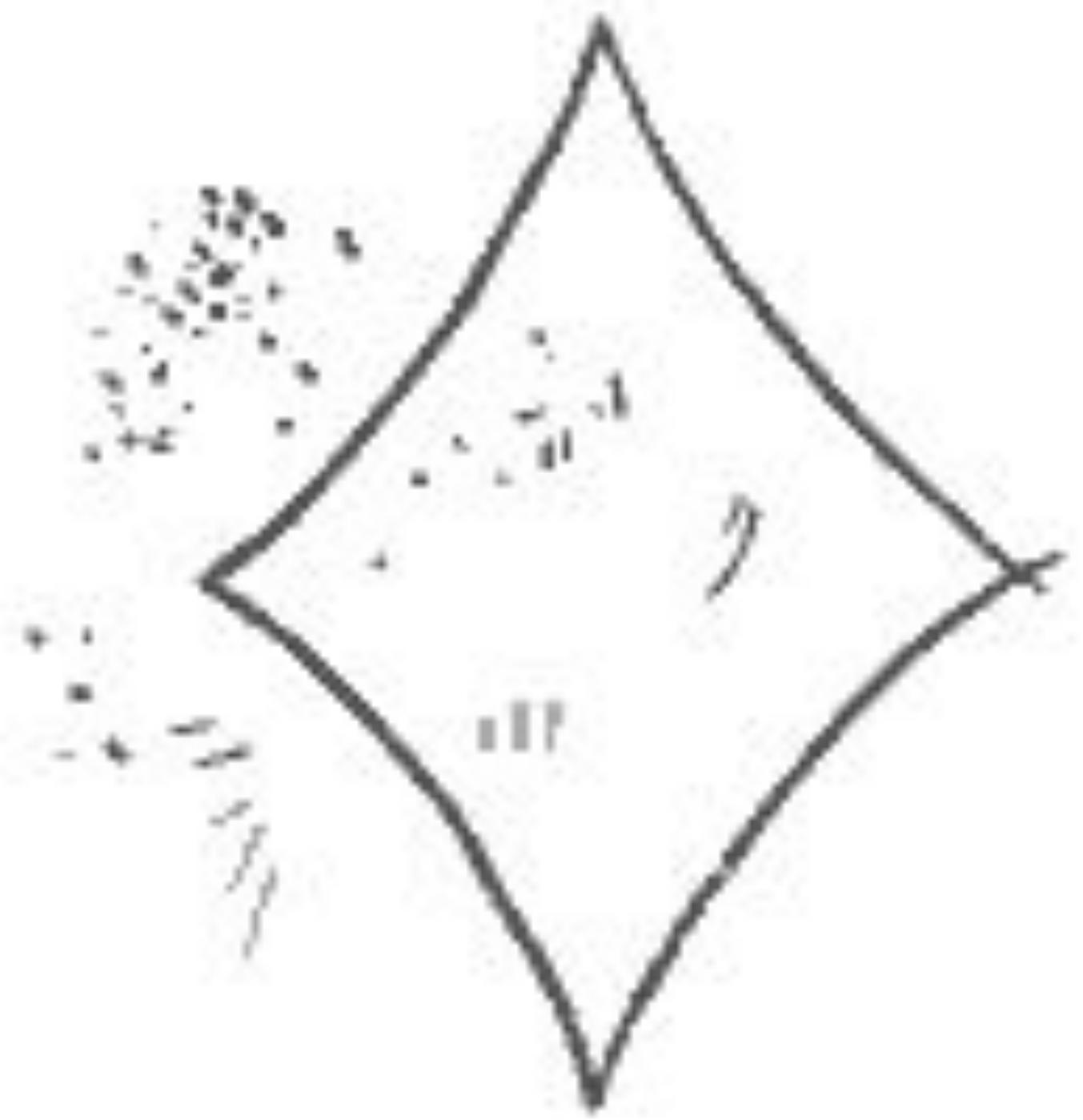

- «Катя — здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка; свежая, простая, добрая — здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется... <...> “Толстомордость” очень важна (здоровая и чистая, даже — до детскости). <...> Хорошо тоже, что крестик выпал...»
- 12 августа 1918.

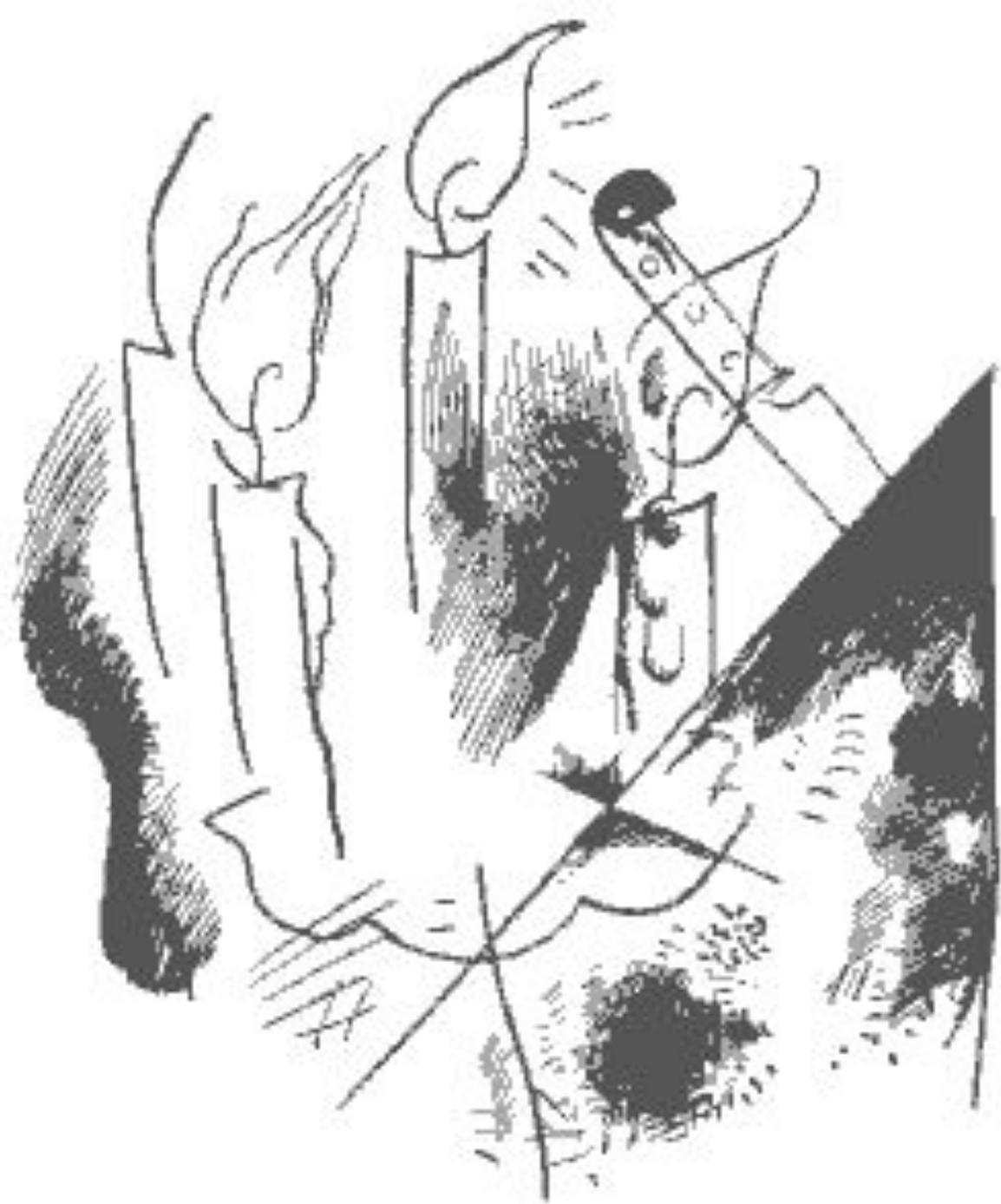

H.A.

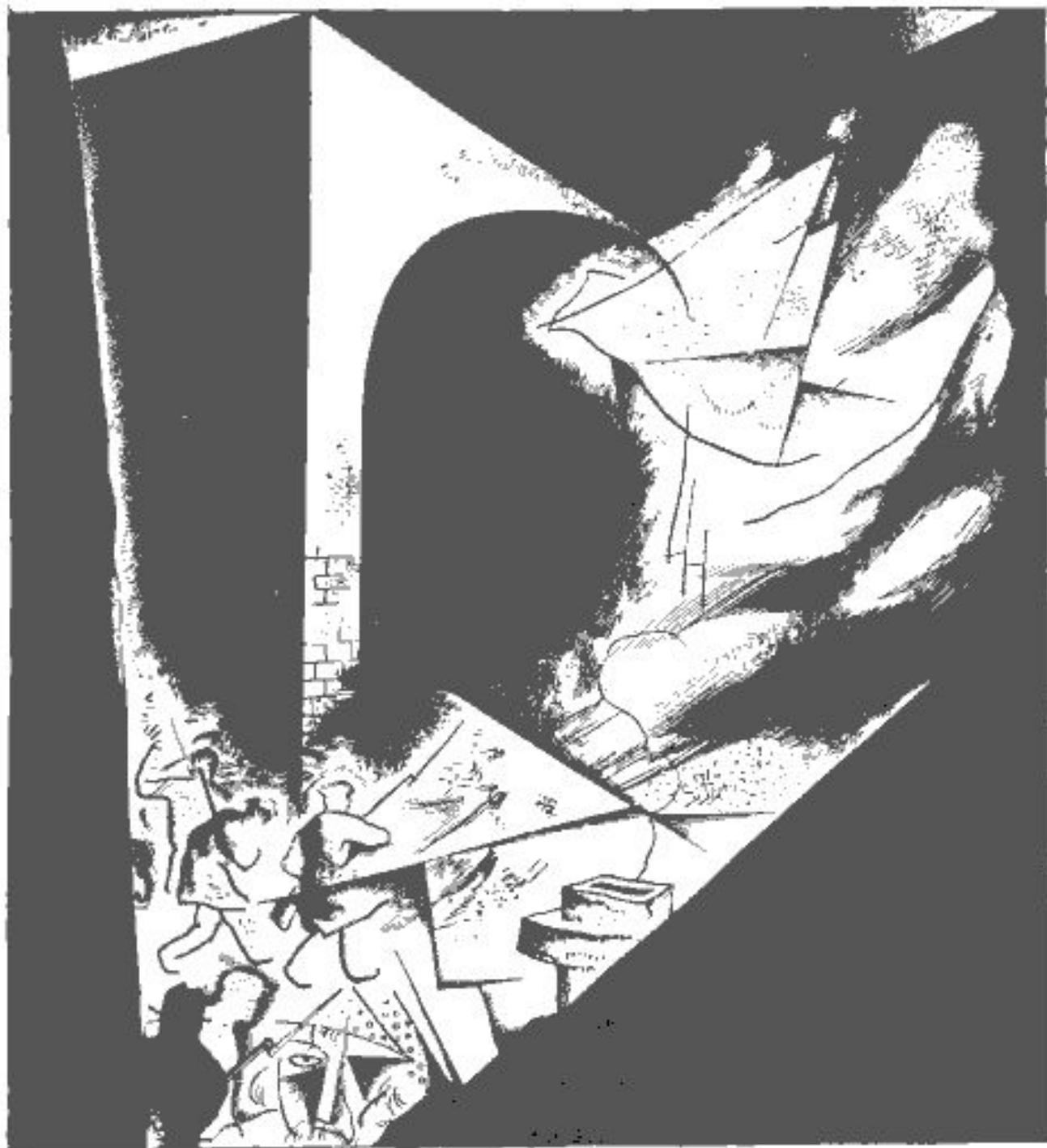

- « ...“Христос с красногвардейцами” . Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем. <...> Разве я “ восхвалял” ? <...> Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на **этом пути, то** увидишь “Исуса Христа” . Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак»
- **(Дневник, 10 марта 1918).**

- «Если бы из левого верхнего угла “убийства Катьки” дохнуло густым снегом и сквозь него — Христом, — это была бы исчерпывающая обложка»
- (Ю.П.Анненкову, 12 августа 1918).

- «Наконец, я понял теперь, почему в “12-ти” впереди идет Христос, это он, только Блок, имел право так сказать: это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его вперед убийц: это есть Голгофа — стать впереди и принять их грех на себя». М. Пришвин

- Сюжет трилогии вочеловечивания: путь лирического героя от изначальной гармонии, идеального, «мгновения слишком яркого света» – через «болотистый лес» земной действительности, страшный мир - «рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру».